

то, что неизвестно,—свободой. Свобода для истории есть только выражение неизвестного остатка отъ того, что мы знаемъ о законахъ жизни человѣка... Для истории существуютъ линіи движенія человѣческихъ воль, одинъ конецъ которыхъ скрывается въ невѣдомомъ (т.-е., какъ хотѣлъ тутъ сказать гр. Толстой, — въ неизвестной намъ цѣли причинъ и слѣдований), а на другомъ которыхъ движется въ пространствѣ, во времени и въ зависимости отъ причинъ *сознаніе* свободы людей въ настоящемъ. Чѣмъ болѣе раздвигается передъ нашими глазами это поприще движенія (т.-е., по мысли гр. Толстого, чѣмъ большее количество времени мы охватываемъ знаніемъ), тѣмъ очевиднѣе законы (т.-е. причинная необходимость) этого движенія... Съ той точки зреянія, съ которой наука смотрить теперь (!) на свой предметъ, по тому пути, по которому она идетъ, отыскивая причины явлений въ свободной волѣ людей (!!), выраженіе законовъ для науки невозможно, ибо какъ бы мы ни ограничивали свободу людей (въ какомъ смыслѣ?), не подлежащую законамъ (не причинамъ ли?), существованіе закона невозможно. Только ограничивъ эту свободу до безконечности, т.-е. рассматривая ее, какъ безконечно малую величину, мы убѣдимся въ совершенной недоступности причинъ, и тогда, вместо отысканія причинъ, исторія поставитъ своей задачей отысканіе законовъ» (VI, 285—286), т.-е., какъ на самомъ дѣлѣ думаетъ гр. Толстой, будеть искать причины явлений не въ актахъ личной воли, хотя бы и небезпричинныхъ, а въ иѣкоторой, виѣ-лежащей, силѣ, которую онъ и отождествляетъ съ понятіемъ закона истории.

Этотъ анализъ идей гр. Толстого указываетъ, мы надѣемся, на то, до какой степени неопределены упо-